

АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ

«ВОПРОС СКОРЕЕ НЕ В ТОМ, ЧТО ЭКОНОМИСТОВ НЕ СЛУШАЮТ ВООБЩЕ, А В ТОМ, ЧТО СЛУШАЮТ НЕ ТЕХ ЭКОНОМИСТОВ...»

Алексей Кузнецов – один из наиболее ярких представителей новой плеяды отечественных международников, которая сегодня все больше определяет облик российской экономической науки. Он пришел в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) в тяжелый для отечественного исследовательского сообщества период, в начале 2000-х годов, и за десять с небольшим лет сумел сделать головокружительную карьеру. В 2008 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект», а в 2011-м – был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, став самым молодым носителем этого звания в постсоветской истории.

В настоящее время Алексей Кузнецов занимает должность заместителя директора ИМЭМО, ведущего отечественного научного центра, специализирующегося на вопросах организации мирового хозяйства и политики, а также долгосрочного прогнозирования тенденций глобального развития. Он параллельно руководит Центром европейских исследований в Институте, читает лекции в МГИМО и МГУ им. М.В. Ломоносова.

15 августа 2015 г. главный редактор «Международных процессов» встретился с Алексеем Владимировичем и расспросил его о значимых вехах и этапах его собственной

академической биографии, о трудностях и возможностях профессионального становления в условиях перестройки отечественных научных школ, а также о роли экономических исследований в современной России.

Содержание состоявшейся между ними беседы мы публикуем ниже.

А.Б. В начале 2000-х годов по окончании МГУ Вы пошли в Институт мировой экономики и международных отношений. Многие помнят, что финансирование исследовательской деятельности в те годы было мизерным, а молодые экономисты стремились в частный сектор. Что подвигло Вас пойти по научной стезе?

А.К. Мизерными были доходы аспирантов и молодых научных сотрудников в течение года-двух после защиты кандидатской диссертации. Состоявшиеся исследователи за счет преподавания, контрактных работ и поддержанных грантами проектов уже в начале 2000-х годов имели вполне достойный доход, и сейчас неплохо живут. Фактически выбор в пользу научной карьеры означал для меня продление учебы на пару лет (оно компенсировалось тем, что я защитился досрочно) при материальной поддержке со стороны семьи. Эта проблема в академической науке не сбавила своей

остроты до сих пор: за исключением не слишком доступных грантов Российского научного фонда (РНФ), особых источников обеспечить прожиточный минимум аспирантам нет, а их работа «на стороне» обычно пагубно оказывается на качестве научных результатов.

Кроме того, что понимать под частным сектором? Собственная предпринимательская активность, работа по найму в крупной корпорации или занятость в частном аналитическом сегменте? К началу 2000-х годов предпринимательство без стартового капитала означало малый бизнес, для которого совсем не нужно было шесть лет получать лучшее в стране университетское образование. В крупной корпорации мне было бы скучно — это другая сфера деятельности с иными ориентирами и стилем работы. Хотя, конечно, в случае успешной карьеры во всем мире «бизнес-чиновники» зарабатывают в среднем больше состоявшихся ученых.

Что же касается аналитической работы в неакадемических центрах экономического анализа или западных компаниях, то в них новичкам на несколько лет выделяется узкая тема, а это неинтересно. Я студентом стажировался в российском подразделении одного из всемирно известных рейтинговых агентств — карьерная перспектива на ближайшие несколько лет заключалась в оценке кредитоспособности российских электроэнергетических компаний. Мои смелые идеи по развитию новых направлений анализа «мягко» гасили.

Вместе с тем в начале 2000-х годов в системе Российской академии наук (РАН) из-за почти полного отсутствия среднего поколения исследователей открывались безграничные возможности для освоения и разработки новых научных тем. При этом еще во время учебы в МГУ им. Ломоносова у меня появились первые научные успехи. Я не просто с отличием закончил одну из самых сильных кафедр, но был именным стипендиатом, опубликовал 5 статей (как недавно узнал, поскольку тогда меня это мало интересовало, одну — в журнале из базы *Scopus*). В ИМЭМО РАН я пришел

на преддипломную практику, а потом на магистерскую стажировку, в ходе которых познакомился со спецификой института. Моим руководителем стал очень сильный экономист и прекрасный страновед Владимир Петрович Гутник, к которому я и пошел в аспирантуру.

А.Б. Вы начали заниматься транснациональными корпорациями и прямыми иностранными инвестициями. Чем обусловлен Ваш выбор, и ожидали ли Вы, что эта тематика спустя всего несколько лет окажется у всех на слуху?

А.К. В 1990-х годах много говорилось о привлечении иностранных инвестиций в Россию. При этом я хотел заниматься ФРГ — страна интересная, и на кафедре в МГУ в качестве высококлассного методиста славился германист Олег Владимирович Витковский. Перед походом к будущему научному руководителю я заглянул в читальный зал факультетской библиотеки, полистал реферативный журнал по зарубежным публикациям и обнаружил, что пишут главным образом про германские прямые инвестиции. Это уже потом я понял, что тогдашнее экономическое руководство России делало фатальную ошибку, не различая в попытках привлечения иностранного капитала прямых, портфельных и прочих иностранных инвестиций и тем более не осознавая необходимости разного подхода к инвесторам из тех или иных стран.

В июне 1998 г. один из «корифеев» отверг мою статью, направленную в журнал «Вопросы экономики». Между тем она впервые в России освещала специфику привлечения в нашу страну именно прямых инвестиций, причем одной конкретной страны-партнера. Я предупреждал, что только прямые инвесторы не побегут из России в случае финансового кризиса, подобного азиатскому обвалу 1997 года. Статью удалось пристроить в малоизвестное издание, в котором уже после прихода правительства академика Е.М. Примакова в сентябре мой текст опубликовали.

Безусловно, фокус на исследовании германского участия в трансграничном дви-

жении прямых инвестиций во многом определялся сначала университетским руководителем, а затем – В.П. Гутником. Со временем тема расширилась до анализа всех внешнеэкономических связей Германии. При этом акцент на анализ корпоративных данных возник, по сути, случайно – от недостатка макроэкономической статистики (по крайней мере, мне так тогда казалось – сейчас понимаю, что данные Бундесбанка и Федеральной статистической службы Германии были весьма подробными на фоне официальной статистики большинства других стран). Летом 2003 г. я защитил кандидатскую диссертацию по мировой экономике на тему «Влияние глобализации на внешнеэкономические связи Германии». Оставшись работать в Центре европейских исследований ИМЭМО РАН, меньше чем через год, когда мне было 25 лет, опубликовал первую индивидуальную монографию «Мирохозяйственные связи германских компаний».

Дальше встал вопрос, чем заниматься, – становиться настоящим германистом-страноведом или искать какую-то новую интересную тему. Немецкий у меня второй иностранный язык, германистов было много, а спрос на страноведческие исследования в 2000-х годах упал. Я стал думать, как совместить свои навыки и российскую тематику. Сначала не очень получалось – например, первым среди московских авторов пытался анализировать российское участие в еврорегионах, но эту тему в столице тогда блокировали. Удалось опубликоваться лишь в Калининграде. В то же время тема прямых инвестиций меня «не отпускала». В конце 2004 г. умер сотрудник Центра, известный профессор Юрий Игнатьевич Юданов, лучший в стране специалист в области прямых инвестиций и транснациональных корпораций. Мы много с ним общались в 2002–2003 годах на тему трансграничных инвестиций – это в Центре знали. В результате было решено, что именно я при поддержке профессора Ефима Самуиловича Хесина закончу коллективную монографию, которой руководил Ю.И. Юданов. В итоге в начале 2006 г.

в ИМЭМО вышла книга «Европейские прямые инвестиции в России».

В тот период я обратил внимание на активизацию российских компаний в области легального экспорта капитала. Мне повезло, поскольку осенью 2005 г. я выиграл грант Президента России для поддержки молодых кандидатов наук, в идеале предназначенный для подготовки докторских диссертаций. Я не тратил деньги на зарубежные стажировки, как это теперь любят делать лауреаты. Зато купил себе компьютер и подключил его к сети Интернет (у меня до этого, увы, не было своего рабочего места в ИМЭМО, поэтому первые два года работы я пользовался старым личным ноутбуком). Кроме того, за счет гранта оплатил издание индивидуальной монографии в солидном издаельстве. Так, в 2007 г. появилась монография «Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект». Книга получила медаль РАН для молодых ученых. Она же стала основой моей докторской диссертации. Замечу, что в 2008 г. идея существования российских ТНК еще вызывала удивление; бур интереса начался где-то в 2009–2010 годах, когда я имел явную фору с точки зрения и исследовательского приоритета, и возможностей выигрывать гранты.

А.Б. Вы работаете над долгосрочным прогнозированием экономического развития? Насколько эта тема является благодарной?

А.К. Она вызывает меньше критики, чем краткосрочное прогнозирование, поскольку до результатов прогноза еще надо дождаться. (*Смеется.*) А если серьезно, в долгосрочном прогнозировании экономического развития главное – выявлять основные тренды и закономерности, которые ложатся в основу практических рекомендаций для России уже сейчас. При этом сильной стороной ИМЭМО является междисциплинарный подход: наш «Стратегический глобальный прогноз 2030» не ограничивается оценками экономического развития. Сейчас мы под руководством академика Александра Александровича Дынкина готовим прогноз до 2035 года. Там тоже и при

прогнозировании европейской интеграции, и при анализе перспектив транснационализации мирового бизнеса я учитываю выводы наших политологов.

А.Б. Не перечеркивают ли экономические кризисы полезность усилий по выстраиваний ожиданий от будущего?

А.К. Нет, хотя большинство долгосрочных прогнозов и в России, и за рубежом оказываются чрезмерно оптимистичными. Между прочим, это повод задуматься – то ли над методологическими подходами к прогнозированию, то ли над качеством принимаемых в ведущих странах мира политических решений. При этом повторю, в долгосрочном прогнозе главное – понять тренды. Приведу один пример: коллектив ИМЭМО уже несколько десятилетий пишет в своих прогнозах о том, что срок исчерпания углеводородов благодаря техническому прогрессу в области добычи, развитию альтернативной энергетики и росту энергосбережения неизменно отодвигается за горизонт 40 лет.

А.Б. Вы участвовали в работе над «Стратегией 2020». Как Вы оцениваете этот опыт лично для себя?

А.К. Было интересно с точки зрения личного опыта, но практическая польза для страны оказалась небольшой. *Во-первых*, работа над обновлением «Стратегии 2020» стала заложницей далеко не бесспорных экономических взглядов руководства курирующих проект организаций (НИУ ВШЭ и АНХ при Правительстве РФ). Например, две так называемые международные группы были выделены в отдельный, последний, сегмент (и по порядку, и по значению), а их выводы слабо учитывались 19 другими группами. К сожалению, многие российские экономисты до сих пор не понимают, что отечественную экономику в условиях глобализации нельзя изучать в отрыве от мирового хозяйства. В частности, нельзя планировать догоняющее развитие, если Вы не представляете, как будут в ближайшие 20 лет развиваться те страны, которых Вы хотите догнать. Нельзя планировать слабый рост расходов на НИОКР в

России, ошибочно полагая, что в мире наступает инвестиционная пауза.

Во-вторых, работа была неоплачиваемой, поэтому внешние эксперты в основном сдавали не оригинальные авторские материалы, а переработанные старые тексты. Я не очень понимаю, почему в России не нашлось нескольких десятков миллионов рублей, чтобы оплатить качественную работу над стратегией экономического развития страны.

В-третьих (что было важно для нашей группы), пассивным оказался отечественный крупный бизнес – компании, в том числе под контролем государства, в основной своей массе отказались говорить (и в рамках социологического опроса, и напрямую на заседаниях рабочей группы), что их не устраивает в российской внешнеэкономической политике. В кулуарах бизнесмены объясняли, что им проще выстраивать неформальные контакты с властью, а не участвовать в разработке эффективных институтов.

М.П. Насколько Вам кажется важной практическая польза от экономических исследований? В какой степени отечественная наука востребована руководством страны?

А.К. Без национальных экономических исследований страна развиваться не будет. У нас просто нет права заимствовать зарубежный опыт без его адаптации к отечественной (весьма своеобразной) специфике, определяемой историей страны, ее географией, этническим составом и многими другими параметрами. Некоторые специалисты в области естественных и технических наук думают, что их работа важнее. Однако история Советского Союза показала – страна проиграла научно-техническую гонку во многом потому, что открытия не внедрялись в производство. Между тем это как раз одна из задач экономистов – предложить эффективную институциональную систему для инновационного развития отечественной экономики.

Востребованность экономической науки руководством страны оценить сложно. У нас ведь много разных научных школ,

часто высказывающих диаметрально противоположные мнения. Вопрос скорее не в том, что экономистов не слушают вообще, а в том, что слушают не тех экономистов.

А.Б. *В ИМЭМО за последние годы выросла плеяда перспективного молодого поколения. С чем, на Ваш взгляд, связан прорыв новой генерации в общении со старейшими учеными, не порывающими этого круга?*

А.К. Наверно, в основе лежит довольно демократическая атмосфера общения при уникальной концентрации в одном месте высококвалифицированных специалистов самого разного профиля, причем обычно крайне увлеченных своими исследованиями. В России в ИМЭМО проще всего реализовать себя в качестве настоящего научного-международника. Не случайно в международном рейтинге «фабрик мысли» ИМЭМО занял 8-е место в мире среди центров, изучающих международную экономическую политику, пропустив вперед лишь несколько англоязычных институтов. Позади остались, например, старейший

Кильский институт мировой экономики и знаменитый Венский институт международной экономической политики.

Естественно, действуют и специально созданные инструменты вовлечения в работу ИМЭМО талантливой молодежи из МГУ им. Ломоносова, МГИМО, других ведущих вузов. Многие ведущие сотрудники Института преподают в этих учебных заведениях. У нас развиты партнерские отношения с рядом кафедр, в том числе для организации студенческих практик. Двенадцать лет назад я участвовал в создании Совета молодых ученых и аспирантов ИМЭМО, который весьма активно работает все эти годы. Способную молодежь активно привлекают к работе по научным грантам и контрактным работам, что обеспечивает им приемлемый уровень дохода, удерживая от ухода из науки. Для защищившихся научных сотрудников созданы все условия карьерного роста.

А.Б. *Спасибо, Алексей Владимирович, за внимание к читателям нашего журнала.*